

Иван Волков

Стихи
для
бедных

Иван Волков

СТИХИ для бедных

Москва

«Воймега»

2011

УДК 821.161.1-1 Волков
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
В 67

Художник серии Сергей Труханов

И. Волков

В 67 Стихи для бедных. — М.: Воймега, 2011. — 62 с.

ISBN 5-7640-0107-2

Автор благодарит Алексея Коровина
за помощь в издании этой книги.

© И. Волков, текст, 2011
© «Воймега», 2011

1. Из книги «Алиби»

* * *

Волшебная женщина входит ко мне,
Но я уже сплю, я уже над бульваром,
Фонарь, подымаясь над утренним баром,
Горит, как планета, со мной наравне.
Отсюда я вижу рытьё котлована,
У маленькой Сретенки трубы кладут,
Гремит и зияет железная рана
И в ней работяги шумят и спуют.

И я накрываю тяжёлым платком
Фонарь воспалённый и взрытую землю,
Поскольку волшебная женщина дремлет
На облаке лёгком, свернувшись клубком.
Но это мне снится, на самом же деле
Бесшумно и быстро проходит она
От двери по комнате мимо постели
Задёрнуть от света остаток окна.

И что-то меняется в жизни моей,
Но я уже спит, я уже не узнает,
Что свет у меня на столе выключают,
Что пахнет духами, что стало теплей.
Волшебная женщина тихо выходит
С задуманной книгой и тёплым платком,
И тоже не знает, что с ней происходит,
И в чьем она сне и на небе каком.

* * *

Вот если б я на самом деле
(Клинически) сошёл с ума,
Мне распахнули бы постели
Блатные жёлтые дома.
Мои друзья нашли бы средства
На первый мой лечебный год,
Я стал бы жить из смерти в детство
И видеть мир наоборот.
Моих видений искажённых
Всю глубину бы вдруг постиг
Профессор, автор многих книг
О творчестве умалишённых.
Безумье — горе, а не грех.
Но у меня, как и у всех,
Увы, другая неприятность:
Банальная неадекватность
И просто глупость иногда
Без обаянья, без размаха:
Немного ложного стыда,
Немного бытового страха,
Непонимание — как стиль,
Самообман — как дисциплина.
А так как это всё рутина
Распространённая, как пыль —
Ни жалости, ни интереса
Не вызывает у собеса
Мой жёлтый город под водой
Красивый, будущий, пустой;
Он там бывает обитаем,
Когда мы здесь ложимся спать,
Когда про детство забываем
И продолжаем умирать.

* * *

В разговорах и спорах степенных
Убедительны и точны,
Симпатичные дочки военных
Защищают идею войны.

Это — тоже звено в цепочке.
Пусть же помнит любая страна,
Что пока у военных есть дочки —
Обязательно будет война.

Последняя идиллия

Соблазнить бы эту деву, разливающую пиво,
На окраине, в дешёвом, но приятном кабаке,
За щекой у королевы, королевы недолива
Поселиться на покое где-нибудь невдалеке.

Я и раньше был бездельник, а в последние-то годы
Не хотелось бы работать — только с милой по ночам,
У меня не будет денег на карманные расходы,
Но всегда и без упрёка — дармовые двести грамм.

Ни в Москву, ни за границу никогда не соблазниться,
Навсегда обосноваться в лучшем месте на земле,
Потихонечку спиваться, забывая ваши лица,
Перечитывать Лескова, Стерна, Диккенса, Рабле.

Хорошо с утра в охотку без закуски сразу сотку!
Хорошо, что по-плебейски здесь работает с восьми.
Залобить бы эту тётку, разбавляющую водку,
Заниматься бы французским с её разными детьми;

Соблюдать её от шашней, хоть к её смурному ложу
Подбиралась бы корыстно вся мужская Кострома;
А когда её вчерашний соберется бить мне рожу —
Возразить ему стихами, чтобы он сошёл с ума

(Кстати, новая приманка: пусть послушать, как он бредит
В нашу бедную пивную собирается народ)...
А когда моя Оксанка из Саратова приедет
И увидит, как я счастлив, и заплачет, и умрёт —

Выпить больше, чем обычно — не стреляться, не топиться,
Если даже нет футбола — можно посмотреть кино,
Утром будет всё отлично, если быстро похмелиться —
Не стреляться, не стыдиться, потому что всё равно.

* * *

Мне жаль тебя будить. Разлился Суходрев.
Неслышная вода подходит к дальним хатам.
На склонах жгут траву, трава, перегорев,
Летает дымом горьковатым.

Плывёт, кружась, по неглубокому затону
Какой-нибудь древесный хлам.
И лодки, неготовые к сезону,
Везде вверх доньями торчат по берегам.

Мне жаль тебя будить в двенадцатом часу.
Раздвинулась Ока, расширилась природа.
Разлился Суходрев и держит на весу
Постройки Полотняного Завода,

Не нарушая их расположенья,
Всем перекрёстком, улицей, двором
Удваивая в виде отраженья,
Со всею утварью снимая каждый дом.

Мне жаль тебя будить, хотя уже пора.
Раздвинулась Ока. В медлительных затонах
Ещё кусочки льда, но меньше, чем вчера.
Разлился Суходрев. Палят траву на склонах.

Когда тебя, мой свет, затаянет дымом,
Когда к тебе придёт, возьмёт тебя вода,
Куда-то понесёт над городом любимым,
Не нарушая сна, неведомо куда...

Сирена

Больше никто из живых этот голос небесный не слышал,
Только глухие гребцы монотонно качались на вёслах,
И разбивались бесшумно о нос легкоходной галеры
Мощные чёрные воды, и белой пеной дышали.
Мускулы рвались мои, что предела не ведали силе;
Схвачены этой двойной узловатой смолёной верёвкой,
Непоправимо несли-уносили послушное судно
Вёсла, скользя под водою протяжно и в воздух взлетая.
Голос звучал в каждой точке нагретого солнцем пространства,
В море, и в небе, и в скалах, подрагивал, звал, отзывался...
Боги, ведь это я сам приказал привязать себя к мачте,
Дал десяти силачам затянуть этот узел смертельный.

Сказка

Сплетня сезона. Все в курсе. И смех и грех.
Все обсуждают в завистливой лихорадке
Тайный роман царевны с одним из тех,
Кто не сумел разрешить ни одной загадки.

Но радуется, что жених, молодой герой
Не отменяет намеченный пир горой,
Все разгадав, доказав своё превосходство,
Он добавляет к храбрости благородство,

Великодушно, по совести, по уму,
В общем и целом простив королевской дочке
Тайный визит безумный к тому, в тюрьму,
В камеру-одиночку, в одной сорочке,

Ночью...Скандала не будет — и в добрый час!
Долго и счастливо. Полная чаша. Дети.
Тайный роман царевны с одним из нас
Незаметно закончится на рассвете.

В интересах Рая

М. К.

По-разному относятся у нас
К тяжелой жизни мучеников Ада,
Но информационная блокада,
Желательная для широких масс
(Желательная, т.к. вероятно,
Что праведникам многим неприятно

Осознавать, что существует край,
Где вместо арфы — ругань и рыдания:
Ведь праведности нет без сострадания,
А с состраданием — разве это рай?) —
Блокада всё равно недопустима:
Элизиум мы создали из дыма,

Который не бывает без огня
Под теми знаменитыми котлами.
Пока нас пригревает это пламя,
Наивна и преступна болтовня
О якобы большом ажиотаже
И даже о запрете на продажи

Документальных видеокассет
С замедленными записями пыток.
Чистюль и трепачей везде избыток,
А помнят ли издатели газет
И подписанты оскорбленных писем,
Что Рай экономически зависим

От справедливых ужасов внизу?
Зависим эстетически, идейно:

Не должно осуждать своих людей, но
Они же так хотят в чужом глазу
Слезу! — и в этом видел Всемогущий
Залог благополучья наших кущей.

* * *

Собака понимает взгляд Луны.
Луна поймет ответный вой собачий,
И только мне, убогому, темны
Беседы ночи слышашей и зрячей.

Но тайный ужас, умная тоска
И, вероятно, будущее горе
Позволят мне без знания языка
Присутствовать при этом разговоре.

* * *

Я вечером уеду. Поезд в десять.
Освобождая номер в семь утра,
Имеешь время вспомнить всё, и взвесить,
И оценить, что натворил вчера.

В обшарпанной гостиничной прихожей
(Возможно мягче, чтоб не обижать)
Мне женщина с прохладной бледной кожей
Сказала, что я должен уезжать.

И я в бессильном мстительном припадке
Ушёл в загул от черной полосы:
Протратил деньги, потерял перчатки
И пропил дорогие мне часы.

На набережной ветрено и сыро,
По парапету снегу намело,
И кажется, что в этой точке мира
Уже не будет никогда тепло.

Гуляю, ничего не замечаю,
Бездомная весёлая тоска!
И денег нет согреться чашкой чаю,
Не говоря о рюмке коньяка.

И кажется, вся эта безнадёга
Рассчитана вперёд на много лет —
Тогда она и есть моя дорога,
Мой личный обязательный сюжет.

Историю чужими голосами
Тот, кто её придумал, рассказал.
И женщина с огромными глазами
Меня не провожает на вокзал,

И ветер набирает обороты,
И реки умирают подо льдом,
И все эти пространства и пустоты —
Они и есть мой милый частный дом.

* * *

Не смотри туда там вода
Под водой лежат города
В них без горячей живут воды
Люди одной беды

Много загадок в глуби морей
Много богатств у речных царей
Ты не бывала там никогда
Но не ходи туда

Примут тебя как сестру и дочь
Рыбы и камни мерцают ночь
Примет мой облик один из рыб
В рот вмонтируют чип

Только люди одной беды
Будто в рот наберут воды
Им известно что твой малыш
(Ты через год родишь)

Им известно что скоро он
Полу окунь полу дракон
Будет силой брать красоту
Ту без чипа во рту

Тех таких же как ты сейчас
Слёзы из разноцветных глаз
Не заметны в глуби воды
Женщин одной беды

Вся история впереди
Только ты туда не ходи
Не попадают на маяки
Люди одной реки

Люди нашей с тобой беды
Могут читать на воде следы
Видишь небо наоборот
Это поверхность вод

Мы с головой под одной водой
В облаке окунь завис молодой
Под облаками видишь закат
Это электро скат

Млечный над нами мерцает Стрим
В небе не тонем в реке говорим
Слушают голос во рту воды
Рыбы одной беды

Паника

Ты же читаешь газеты, видишь, что скоро война
(То есть уже, но почти что без ужасов тыла).
И при этом ты хочешь ребёнка? ты что же, забыла,
Куда могут послать, когда время придёт, пацана?

Ты же бываешь на улице, знаешь, с каких они лет
Колются в школах, воруют и учатся драться
Разным железом. Ты что же, не будешь бояться?
Будешь смотреть сериал, когда дочери вечером нет?

Ты же работаешь, знаешь, что будет, когда
Детям придётся пахать, как вот мы с тобой пашем.
Выбор работы богатый в отечестве нашем:
Выбор из бедности, самообмана, стыда.

Ты хорошо меня знаешь, ты с самого первого дня
Видишь меня вечно пьяного, вечно без денег.
Как воспитает детей бесхарактерный злой неврастеник?
А ты всё-таки, милая, хочешь рожать — от меня...

* * *

М. Иглину

Я знаю, я слышу дрожанье земли,
Они надвигаются с Волги,
Несчётное войско в огромной пыли,
Кочевники, варвары, волки
На низких гривастых степных лошадях —
Придут и поселятся на площадях.
Бессмертная гвардия лучших калек —
Из джунглей, из степей окрестных,
С российских равнинных прославленных рек,
Науке досель неизвестных —
Несметные полчища, как саранча,
На странном наречье команды рыча,
Войдут на рассвете, сметая посты,
И волю дадут мародерам,
Взорвут электричество, сроят мосты,
И крест золотой над собором
Ловкач заарканит на полном скаку —
И всё это будет на нашем веку.

Иначе я сам бы, исполнившись сил,
Однажды поднялся бы с печки,
И весь этот город под корень скосил,
И выпил всю воду из речки.
Я вторгся бы с юга, все выжег дотла,
И мусор смахнул рукавом со стола.
И с миноискателем в каждой руке —
Ничья не поможет рука мне —
Проверил бы сам каждый дюйм в городке —
Чтоб истинно камня на камне!
Оставил бы только гореть как вчера
Над новой пустыней домов номера.

Чтоб мы, потерявшие всё и везде,
Вернувшись на гиблое место,
Могли бы, бродя по колено в воде,
Норд-ост отличить от зюйд-веста,
Чтоб синяя цифра слепые суда
Вела, как звезда!

* * *

Мой домашний страшный планетарий,
Сложные маневры в вышине:
Правый глаз, огромный, тёмно-карий,
Приближается ко мне.

В чёрный космос падает ресница.
Тень ресниц ложится на белок.
Внешний уголок чуть-чуть слезится.
Расширяется зрачок.

* * *

В. И.

Эй ты, человече, не думай о том,
Что будет с другими, что будет потом!
Оставь канарейке с котом

Сейсмический и социальный прогноз,
Теракты, инфляцию, слякоть, мороз.
А ты, человек, не дорос

До чувства опасности — не говоря
О разуме. Может быть, вместо царя,
Спасителя, богатыря,

Парламентов, будд, основателей сект
Призвать, как варягов, на каждый проект,
Где требуется интеллект —

Для планов, бюджетов, программ, экспертиз —
Разумных существ — тараканов и крыс?
А может быть, из-за кулис

Уже кардиналит крысиный кассир
И вклад человека в природу и мир —
Рассыпанный сахар, и старое сало и ссохшийся сыр...

А также искусство досталось тебе:
Кумир таракану в узорной резьбе,
Двуглавая крыса в гербе.

* * *

У берега реки, давно не судоходной,
Где раньше жизнь была, да как-то вся ушла,
У леса редкого, на местности бесплодной,
Один, с названием забытого села,

Врастает в землю бывший дебаркадер
В десятке метров от воды.
Мне не заменят тысячи аркадий
Его священной пустоты.

Я тоже попрошу себе у бога место
Такой же вот бесхозной скушной красоты,
У берега реки, бессильной, обмелевшей,
Неподалеку от воды.

Здесь, не участвуя в естественном отборе,
Я остаюсь, я отовсюду далеко —
Врастаю в землю, но всегда впадаю в море,
Или в другую реку — все равно.

2. Саван Лаэрта

Саван Лаэрта

Ирине Ермаковой

*A ragged urchin, aimless and alone,
Loitered about that vacancy; a bird
Flew up to safety from his well-aimed stone:
That girls are raped, that two boys knife a third,
Were axioms to him, who'd never heard
Of any world where promises were kept,
Or one could weep because another wept.*

Auden. «The Shield of Achilles»¹

Перед тем, как распустить
Погребальные покровы,
Перед тем, как из основы
Выбрать бережно уток,
Посмотри на этот мир,
Оживающий на ткани:
Он понятный, как на плане,
Но волшебный, как цветок...

Хитрее, чем подкову для блохи —
Сковать Ахиллу новые доспехи:
Пусть сами раздуваются мехи,
Накачивая жар в небесном цехе,
Пусть молоточки, как бы для потехи,
Разводят сами мелодичный гвалт,
Подстукивая после двух кувалд.

¹ *Маленький оборванец от нечего делать камнем сбивает птицу; девушек насилуют; двое зарезали третьего — всё это естественно для того, кто никогда не слышал о мире, в котором держат обещания и плачут из-за чужих слёз. Оден «Щит Ахилла».*

Чеканы набивают серебро
На лист стальной размером с пол Европы,
Который еле держат за ребро
Натужливые верные циклопы.
А между тем у верной Пенелопы
Помощницы-холопки только две
(И обе — с чёрной мыслью в голове).

Перед тем, как к жениху
Сбежать с ябедой-докладом,
Погляди прощальным взглядом
На хозяйкин ткальный стан:
Два светила наверху,
А внизу сады и нивы,
Виноградники, оливы
Омывает Океан...

Нам сохранил божественный Омир
Нарядный, как на праздничной витрине,
Разумный, но волшебный бывший мир.
Нам Оден показал, каков он ныне:
История к «искусственной пустыне»
Нас из-под Илиона привела.
А то, что Пенелопа наткала,

Пропало из-за дрязг, из-за интриг —
И человек живёт в такой клоаке
Из-за того, что этот мир возник
Под Илионом, а не Итаке.
У нас в ходу гефестов железяки,
А скорбные работы пенелоп
Не покрывают тестев честный гроб.

За оливковую ветвь
Соревнуются атлеты,
А вокруг плывут планеты,
Отмеряя день и год.
Не простят неверных клятв
Наши капища и храмы,
А дорога к правде прямо
В Дельфы мрачные ведёт...

Бездарные, дурные времена.
Но изредка разрозненные нити
Распущенного древле полотна
Пронизуют жизнь, как жилочки в граните —
Напомнят вдруг, что на другой орбите —
Не в кузнице, а в женской мастерской
Начавшись — мир бы вышел не такой.

Перед тем, как покидать
Обезжизненное место,
Мир щетинистый Гефеста,
Землю злости, землю зла,
Я хотел бы увидеть
Не доживший до потопа
Мир, который Пенелопа
Не разрушить не могла.

3. Просто стихи

* * *

Тебя окружают святые,
Без тёмной изнанки души,
Им даже сейчас, при Батые,
Все люди почти хороши.
В Творении нет произвола,
Всё держит единая нить —
Раз есть богадельня и школа,
И Рая не может не быть.

А мир захватили уроды,
Мутанты, другой зоовид,
Но есть равновесье природы,
Гармония горних орбит,
Нам мало известно о смерти,
Но многое о красоте:
Раз *эти* имеются черти —
Их *там* дожидаются *те*.

Святые не верят в мутантов,
Мутанты не знают святых,
Есть много простых вариантов
Не верить ни в тех, ни в других,
Но раз, разлагаясь от скуки,
Об этом не думаешь ты —
Не может не быть по науке:
Распада, червей, пустоты.

Заклинание

(быль)

С. Пиизову

От воскресенья до аванса
Одна пустыня пролегла
И не пополнить мне баланса
До двадцать первого числа.

А позвонил бы я Сергею —
Художник с Горной, ловкий хлыщ
Всучил рязанскому музею
Свой триптих за пятнадцать тыщ.

В беседе он однообразен
(Всё триптих, проданный в музей)
Зато всегда зайдёт в магазин —
Не пожалеет для друзей!

Боюсь — боюсь, как бы не с теми
Он всё бабло не пропорол!
Я заблокирован на время,
Как сорок тысяч моторол...

Оболокусь я оболòком
Обтычусь частою звездой
Как да во поле во широком
Да за последнюю верстой

Туманы-братья сёстры-реки
Да ночь да мать земля-сыра
Колдуй сюда о человеке
Давно которому пора

О чём он думает Серёжа
В замороженной тишине

Вставай с продавленного ложа
Бери пузырь иди ко мне

Как от русалки — от моргуньи
Да как от бабок — от шептух
Кафтан станов да коты куньи
Уводит с Горной горний дух

Уже ведёт из магазина
(Бери ноль семь не убоясь)
Его осанка соболина
Узорчатая подпоясь

По Ленина потом во двор за
Хлебозаводом завело
Уста сахарны поступь борза
Бледнеет думное чело

Да будет крепче это слово
Да чем тот камень бел-горюч
На два замка на три засова
На дне морском да чуден-ключ

Входи, согрей себя с дороги,
А без закуски — не беда.
Я тень зову, я жду Серёги:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

* * *

Снова Гоша с коньяком —
Тосковать пришёл о ком?
Кто теперь его не любит,
Добра молодца погубит?
Если Таня или Люся —
Доверяйся коньяку,
Заодно и я напьюся,
Разбеседуем тоску,
Из-за рюмки про кумира
Позабудет и маньяк...
Только если это Ира —
Не поможет твой коньяк!

Ты слышал про тётю Нину?
Поезжай на Украину,
На Полтавщине, на Псле
Город Миргород (тот самый),
Рядом, в Савинцах селе
Познакомься с этой дамой,
Чудо-ведьмой, чудо-стервой —
Скажешь ей, что от меня...
Сразу, Гоша, после первой,
Ты поймешь, что всё фигня!
От большой специалистки,
От лихой контрабандистки
Принимай судьбу свою —
Самогон двойной очистки,
Желтоватый, на чаю.
Ты закусишь подчерёвкой
И поймёшь после второй,
Что смотреть на всё с издёвкой
Должен подлинный герой.

Тётя Нина — йес, форева!
Если, Гоша, не сгоришь
После третьей для согрева
Всё забудешь, всех простишь.

Тест

И. Кудрявцеву

«Мы с тобой, брат, мизантропы
От душевной простоты.»
«Если мы и недотёпы —
То от жизни полноты!»

— Так с плохим поэтом Гошей
Пил плохой поэт Иван —
Разве кто-нибудь хороший
Выпьет с ними хоть стакан?

Кто потерпит их капризов,
Их нетрезвых номеров?
Лишь плохой художник Пшизов
И плохой поэт Бугров!

Кто пригреет нас надолго,
Утомительных весьма?
Лишь плохая речка Волга,
И плохая Кострома!

Пили долго, всех ругали,
Обсуждали ни за что —
Но из тех, кого назвали,
Не обиделся никто.

* * *

Тише, дети, Ольга спит.
Это что за шум и топот
Будто пастей и копыт!
Только цыпочки и шепот.

Марш гулять! в поселок, в лес
(Захватите добермана)
Сна полуденного без
И нирвана — не нирвана.

Целый день — дела, дела,
Рай субботний длинный-длинный,
Ненадолго прилегла
На диванчике в каминной

У распахнутого в сад
И на патио окошка,
Там петляет между гряд
Самодельная дорожка.

Драгоценен мамин сон.
Сад ухожен. Небо ясно.
Мир, конечно, обречен —
Только Ольга не согласна:

У неё в саду, в саду
Ирисы и хризантемы.
Всё изучено в аду,
А в раю одни проблемы:

То уборка, то обед,
Глупый пес, Алеша с Соней,

То на клумбах места нет
Для задуманных бегоний.

Тише, тише, Ольга спит.
Днём. Одетая. Под пледом.
Мир изучен и забыт.
Дом дремуч и сад неведом.

* * *

Вот у Бодлера были бабы!
С такими стервами Париж
Мог извинить ему хотя бы
Зазнайство, бедность и гашиш.

Попили кровь — не говори, бя! —
Тупые демоны — все три!
А как играть в enfant terrible`а
С моей гармонией внутри?

С домашним ангелом небесным,
Весёлым чудом красоты
Волнующим и интересным
Без демонической туфты?

Четвёртый год без нервотрепки,
Без скуки, ревности и ссор —
Откуда ж в черепной коробке
Возьмётся право на позор?

Эх, мне бы ведьму, потаскушку,
Актёрку, фею, парвеню —
Тогда я каждую чекушку
Мятежным духом объясню!

* * *

Не называй меня Алёшей
В минуты нежности, сквозь сон.
Хотя он, видимо, хороший,
И я, естественно, польщён.

Ещё, пожалуйста, послушай:
Когда огонь кипит в крови,
При кульминациях любви
Не называй меня Андрюшей.

Усталость, ласки, тишина,
И я твою всю душу слышу:
У зим бывают имена,
Ты вспоминаешь Пашу, Мишу,

Блуждая в полузабытьи
По всем подробностям орбиты
От осторожного Никиты
До беспокойного Ильи.

* * *

По характеру донор и лидер,
А в реальности — лузер и чмо,
Я, обиженный, столько обидел
(Не хотел — получалось само:
Как сканирует скрытую эту
Точку боли моя болтовня) —
И теперь они ходят по свету
И всем светом не любят меня.

Я повсюду сканирован теми,
Кто собрались в большую судью,
Подключив к моей нервной системе
Оскорбленную память свою.
В силовом собирательном поле
Поживи, острослов, поживи
Чьей-то целенаправленной боли,
Нелюбви, краснойбай, нелюбви!

Клеветали без соли и чести
И завидовали без ума,
Но что думают все они вместе
Про тебя — это правда сама,
А твоя точка зрения, стоик —
Точка боли в кислотной среде.
Только мусор от наших попоек
Что-то стоит в последнем суде.

Коттерие

Кто сказал, что Читателя нет?
Есть, он ищет укромное место,
Где его не растопчет расцвет
Элитарного et tous le reste`а,

Он послушал творцов-образин
По «культуре» в серьезном ток-шоу
И со страху бежит в магазин
За Флобером, Рабле или Шоу.

Кто сказал, что читатель исчез?
Нет, он просто устал от фанеры,
Из которой не выберешь без
Засорителей семиосферы —

Как их вычислить, сколько их есть,
Этих знающих: он — кто и ты — кто,
Сколько викторов нужно прочесть
Чтоб найти одного Венедикта?

— Наши трегеры нас не оставят в беде,
Наши критики — как часовые,
Отражается общество в грязной воде,
И деревья стоят голубые,

И заочно дешёвка-лапша
Отпевает сбежавшие уши.
А Читатель — он наша душа,
У писателей умерли души...

*2...et tous le reste est littérature (фр.) — ...всё остальное — литература
(Верлен, Искусство поэзии)*

* * *

Когда-нибудь про нас с тобой
Напишут повести и оды,
Перед взволнованой толпой
На состязаниях рапсоды
(На стогнах или на TV)
Споют историю любви.

От поздних разработок темы
Преображается сюжет —
В кино про нас не видно где мы
Через каких-то триста лет,
А как смешно проходят в школе
Наш миф о радости и боли!

Так выразительность судьбы
Хранит и вырастит, как спора,
Под звуки лиры и трубы
Начала нового фольклора
И для людей воскреснут вновь
И жизнь, и слёзы, и любовь,

И все увидят непреложно,
Что счастье (даже если нет)
Теоретически возможно —
Так вот что значил наш сюжет
В его первоначальном виде!
Хотя ему кричит *изыди*

Весь профанирующий срез
(От оперы до сериала)
Они не обойдутся без
Хрестоматийного финала...

Теперь прощай. Но всё равно —
Мы снова встретимся — в кино,

На сцене или просто в книге —
И нам откроется с тобой
Смысл драматической интриги
Перед взыскательной толпой
В идеях ново-человека
Через почти четыре века.

* * *

Давай не будем больше есть
И никогда не встанем с койки.
Как говорят, недель на шесть
Хватает жировой прослойки —
К чему мучительные годы?
Мы не дотянем до весны,
Но сократим стране расходы
На сокращение страны.

В России каждый индивид
Для экономики обуза.
Давай поддержим геноцид —
Зато и выспимся от пуза!
О слабость, головокружение,
Мутнеющий последний взгляд,
И без желания, без движения
Бессильной нежности закат...

* * *

Горит помойка во дворе!
Выходит зритель на балконы —
Конечно, в нашей-то дыре,
Где полтора кинотеатра
Катают мутную попу —
Пожарные иллюзионы
С алмазным дымом на весу
Спасают лучше психиатра

От разрушительной тоски,
И от клинического ретро...
Швыряйте в мусорки бычки!
Да станет зрелищем клоака!
И дым, как строящийся дом,
Взволнован дуновеньем ветра,
Подсвечен солнцем и огнем —
Как джинн из мусорного бака,

Меняя цвет, под небеса,
Меняя форму, выше неба...
Убыточные чудеса
Подгадил джинн неблагодарный:
О, сколько сгинуло добра,
Рвань, обносок, ширпотреба,
Носки, кальсоны, свитера —
А сколько обуви непарной!

(Слышал: бутылочный хлопок —
Пивная — целых рубль сорок
И плюс недопитый глоток.)
А сколько жира из тушенки!

Горит подгнивший божий дар
Колбасных попок, сырных корок...
Какая красота — пожар!
Как жаль объедки и подонки!

* * *

Опять на первой полосе
Руины техники и трупы:
Продай компьютер и на все
Купи гуртом консервы, крупы,
Сховай по всем кутам халупы
И медитируй на овсе,
Сосредоточься, человеке,
На чечевице и на грече.

Пусть не туманит душу боль
И радость не тревожит разум.
Весь мир — иллюзия и ноль,
Но есть невидимые глазом,
Захоронённые по хазам
Чай, спички, мыло, сахар, соль —
Хранимый вечно ужас перед
Той долей, что тебе отмерят.

август 2008

* * *

Наташе В.

Добро без кругооборота
Гниёт, как рыба на песке.
На берег жизни от кого-то
Нас выбросило вдалеке:
Тускнеет юмор без Максима,
Дряхлеет похоть без Ляззат!
Не просто всё проходит мимо —
Сам разум пятится назад.
Зато у них с телеэкрана
Без перебоев круглый год
Идёт кругообмен обмана
И глупости солнцеворот,
Блестит, как речка на порогах,
И как машина на ходу,
Обобществлённый мозг убогих —
А нам хотя бы раз в году
Мешают комплексы и служба
Достать ненужные мозги.
Теплеет водка, стынет дружба
И пропадают пироги.

Ода

на взятие Костромы Зурабом Церетели 2009 года

1.

О, Муза кича и гротеска,
Оскаль-ка ласково клыки!
С тех пор, как дерзкая ЮНЕСКО
Отвоевала Соловки,
Нам стратегически дороже
(На блудую овцу похоже)
Провинциальная дыра
Уже застроенного места.
Мрачили акции протеста
Распространение Петра —

2.

О, как смеялись вы над нами,
Как ненавидели вы нас:
Эстет с рекой под облаками,
Профессор с цифрами из баз!
Из-за ландшафтов, почв и Волог
Эколог, гидровед, геолог —
Все торговались за куски;
Но приоткрылись бизнес-планы,
И отступили ветераны,
Бандиты, налоговики.

3.

Союз PR`а и отката
(Восторг незапный ум пленил)
Сильней Аль-Каиды и НАТО —
Не то што штампов и чернил!
Топорща ус, корявя морды,
Чугунно-бронзовые орды
Сомнут бумажные ряды
Ревнителей архитектуры

И сберегателей природы
Гринпис-кабацкия орды.

4.

Историк раскрывает карту,
Втыкает красные флажки:
На зависть моське Бонапарту
Прут марсианские полки
Свиньёй из центра в регионы
И расставляют гарнизоны,
И контролируют пейзаж.
Беги, Евгений, но куда же?
Где не загажены пейзажи
Кумиром, вышедшим в тираж,

5.

Куда теперь безумец бедный
Направит беглые стопы?
За ним повсюду топот медный
Царей легавья толпы.
О Муза центнера и тонны,
Воспой же роботы-колонны,
Кругля ноздрю, топорща ус,
Они весь мир, на радость миру,
Как предпродажную квартиру,
Обставят на казенный вкус.

6.

В Аду для депутатов Думы,
Голосовавших за статуи,
Дают цукаты и изюмы
С благоуханьем сточных струй,
По всем каналам только «Вести» —
Но даже там нет хуже мести,
Чем оживание царя:
Слезает с пьедестала нежить

Слугу народа тискать, нежить,
Мгновенно страстью возгоря;

7.

А в тесноте другого Ада,
В майонезной баночке души
Патиной тронутые чада
Живут на авторе, как вши...
Зато разведчики-ракеты
Вернутся на свои планеты,
Вдоль рек заметив патрули,
И офигевший гуманоид
Отныне не беспокоит
Обезображенной Земли.

* * *

Подари мне губную гармошку:
Я когда-нибудь для куражу
Перед тем, как звонить в неотложку,
Помычу на низах, погужу —
Бессловесное грубое пение
Будет лучше любой тишины,
Ибо жалость дороже презрения
И несчастье старше вины.

4. Жёлтая Гора

Жёлтая гора

поэма

1. Тенсона

– О дочь моя, все смертные — скоты.
Мне всё известно о твоём кретине:
Они никто не ценят красоты,
Им хочется позора для богини.
Они в любви шуты и шулера,
Ленивы до учебы и работы,
Они едят стихи да анекдоты —
Но здесь у нас, где Жёлтая Гора,
От века неподкупные драконы
Блюдут и помнят древние законы.

– Ах, мамочка, не слышишь разве ты?
Стеклянный поезд мчится по равнине,
Под ним стучат ритмически мосты,
И сверху к электрической машине
Бежит и рассыпается искра;
На верхней вышибают из дремоты
Кого-то остановки, повороты —
Он спит сюда, где Жёлтая гора,
И освещают вспышками вагоны
На полустанках яблоки, лимоны.

– Обычно до означенной черты
Мы здесь не прибегаем к чертовщине,
Но для твоей девичьей чистоты
Он завтра же забьется в паутине,
В букашку превращенный, в комара —
За те нечистоплотные расчеты,

В которых так искусны донкихоты.
Нас не накажет Жёлтая Гора —
Ведь колдовство для самообороны
Оправдывают древние законы.
— Читатели кладбищенской плиты
Моей расскажут о моей кончине:
Таблетки, газ, паденье с высоты...
Догадываться будут о причине
Догадываться наши мастера:
Попрёт фольклор, сенсация — да что ты! —
«Погибла от родительской заботы!».
Пусть вас осудит Жёлтая гора,
А на могиле не склюют вороны
Оставленные яблоки, лимоны.

— Самоубийство — форма клеветы.
Я третий день на нитроглицерине.
Никто твоей не тронет лимиты —
Не беспокойся о своем скотине.
О нас побеспокоиться пора:
Нас ждут болезни, бедности, бойкоты,
Нечестие, начальства, нечистоты —
Нет, не прощает Жёлтая гора,
Когда свои же, мы же, автохтоны
Дерзнем нарушить древние законы!

— Мне плохо, мама, дни мои пусты,
Грядущее безрадостно; и ты не
Пугай меня, пожалуйста: шуты
Милей богов, когда живешь в пустыне.
Наш рай при жизни — жуткая дыра,
Все небожители здесь — идиоты.
И пусть за все мои наобороты
Казнит, как может, Жёлтая Гора —
Нигде не будет хуже нашей зоны —
А он везёт мне яблоки, лимоны.

– А вдруг не только смертные — скоты?
Какая спесь у дочки-героини!
Какая смесь дремучей простоты
И безнадёжной городской гордыни!
Но божья месть — сложнейшая игра,
У нас не напрямую сводят счёты.
Мне жаль тебя! — не ты объект охоты.
Тебя не тронет жёлтая гора,
Но вечно, даже в царстве Персефоны,
Ты будешь помнить древние законы.

– Ах, матушка, не видишь разве ты?
В гостинице, один, как в карантине,
Раскрывшись, бедный, поперек тахты,
Беспомощный, он спит ко мне на льдине.
Дешевые (но в центре) номера.
Двенадцатиэтажные высоты.
Чужие и враждебные широты.
В окне — большая жёлтая гора,
На тумбочке — портрет моей персоны,
Бутылка, книга, яблоки, лимоны.

2. Баллада

Заболевания на «-ома»
(Процент которых каждый год
Вокруг поволжского содома,
Как щитовидка, всё растёт)
Себе построили завод!
И к нам везут любые страны
За деньги ядерный отход —
Зато уходят тараканы.

Миома матки и фиброма,
В роддоме новенький урод,
Заболевает кто-то дома,
Из близких кто-нибудь умрёт —
Ответит каждый идиот:
«У нас Татицево, Шиханы³,
Мы даже пьем, бывает, йод,
Когда уходят тараканы».

Мне эта логика знакома,
Но вдруг совсем наоборот?
Вдруг наша нравственная кома
И есть канцерогенный код?
Какая всех расплата ждёт
За чьи-то каверзные планы?
Брезгливый маленький народ,
От нас уходят тараканы.

Они уходят на восход,
Летят за горы-окияны —
А есть ли нам туда исход,
Куда уходят тараканы?

3. Октавы

*Tu l'as connu ce péché si charmant.
Paryn⁴*

«Я в институте, я в библиотеке» —
Ведь дома не проверят же всего!
Я выучилась врать, как человеки
(Их ложь сложнее, чем наше колдовство),

³ Атомные могильники и предприятия по уничтожению химического оружия и ядерных отходов, Саратовская обл.

⁴ Ты познала этот милый грех. Парни

Хотя они моральные калеки —
Хочу я стать похожей на него:
Вокруг враги, вокруг чужие — мы же
С ним ежедневно делаемся ближе.

«Экзамен, консультация, зачёт» —
В моих легендах нет противоречий.
Мне нравится рассчитывать вперёд,
Играть в шпионов перед каждой встречей —
Но это наш, божественный, расчёт,
А не трусливый, личный, человеческий:
Я маму беспокоить не должна!
(Мне не сказали, чем она больна).

«Я в институте, или на работе» —
Проговорюсь — мои его прибьют,
Но празднику весёлой юной плоти
Лишь остроты угрозы придают.
Меня, как на ночёвке в перелёте,
Скрыл с головой гостиничный уют —
И только пара пяточек торчала
(«Я в институте»!) из-под одеяла.

4. Секстина

Для смертных смерть всегда — абстрактная, чужая;
Они всегда вокруг — родные, доктора
Работают, скорбят — потом не умирая —
Раз не взглянуть назад, когда придёт пора:
Реинкарнаций нет, ни ада нет, ни рая,
Их не возьмут сюда, где Жёлтая Гора.

Под утро выпал снег. Привычная гора
Вся белая в окне — далёкая, чужая.
Оставив медсестру, уходят доктора.
Вся белая, сестра, от скуки умирая,
Всё смотрит на часы — когда же ей пора
(Для них работа — ад, а отдых — вместо рая).

Для нас — и для меня! — всё те же вместо рая —
Тяжёлая река и Жёлтая Гора,
Я скоро здесь, в раю, воскресну, всем чужая,
Но я пока в аду — родные, доктора;
Я мучаю их всех, так долго умирая,
И мучаюсь за них — должно быть, мне пора.

Сегодня выпал снег. Чудесная пора:
Не летом, а зимой земля — прообраз рая.
А я в родном раю, где Жёлтая Гора —
Как опухоль во мне! — такая же чужая.
И к опухоли в дом приходят доктора,
Которым не узнать, куда мы, умирая,

Вернёмся (потому серьёзно умирая,
Что помним тот момент, когда пришла пора,
И видим смерть свою из следующего рая).
Вторую, третью жизнь отвалят на-гора —
А в этой жизни дочь мне стала как чужая
(Об этом ничего не знают доктора).

Назавтра снова снег. Не скажут доктора
Родным, какую боль терпела, умирая.
Как интересно знать (уже почти пора!) —
И страшно (но чуть-чуть!) — врата какого рая
Откроет для меня разумная Гора?
Как интересна смерть — своя, а не чужая.

Содержание

1. Из книги «Алиби».....	3
«Волшебная женщина входит ко мне...»	4
«Вот если б я на самом деле...»	5
«В разговорах и спорах степенных...»	6
Последняя идиллия	7
«Мне жаль тебя будить. Разлился Суходрев...»	9
Сирена	10
Сказка	11
В интересах Рая	12
«Собака понимает взгляд Луны...»	14
«Я вечером уеду. Поезд в десять...»	15
«Не смотри туда там вода...»	17
Паника	19
«Я знаю, я слышу дрожанье земли...»	20
«Мой домашний страшный планетарий...»	22
«Эй ты, человеке, не думай о том...»	23
«У берега реки, давно не судоходной...»	24
2. Саван Лаэрта.....	25
3. Просто стихи.....	29
«Тебя окружают святые...»	30
Заклинание	31
«Снова Гоша с коньяком...»	33
Тест	35
«Тише, дети, Ольга спит...»	36
«Вот у Бодлера были бабы!...»	38
«Не называй меня Алёшей...»	39
«По характеру донор и лидер...»	40

Коттерие.....	41
«Когда-нибудь про нас с тобой...».....	42
«Давай не будем больше есть...».....	44
«Горит помойка во дворе!..»	45
«Опять на первой полосе...»	47
«Добро без кругооборота...».....	48
Ода на взятие Костромы Зурабом Церетели 2009 года ...	49
«Подари мне губную гармошку...»	52

4. Жёлтая Гора.....53

В издательстве «Воймега» вышли следующие книги:
серия «приближение»:

Всеволод Константинов «Седьмой путь»
Ольга Нечаева «Птичье молоко»
Алексей Тиматков «Воздушный шар»
Андрей Чемоданов «Совсем как человек»
Александр Сорока «Тутырь»
Валерий Халяпин «Три-вы-я»
Александр Максимов «Новый год-II»
Александр Переверзин «Документальное кино»
Михаил Свищёв «Последний экземпляр»
Мария Тиматкова «Настоящее имя»
Светлана Бунина «Удел цветка»
Ната Сучкова «Лирический герой»

Денис Новиков «Виза»
Ирина Ермакова «Улей»
Ян Шенкман «Скоро придёт конец птице, оглохшей от собственного пения»
Григорий Кружков «Новые стихи»
Александр Тимофеевский «Размышления на берегу моря»
Андрей Василевский «Всё равно»
Игорь Меламед «Воздаяние»
Инга Кузнецова «Внутреннее зрение»
Дмитрий Зиновьев «Снимок на память»
Лета Югай «Между водой и льдом»
Андрей Василевский «Ещё стихи»
Вадим Муратханов «Испытание водой»

Книги можно приобрести в магазинах:
Книжная лавка Литинститута, Тверской б-р, д. 25
«Фаланстер», М. Гнезниковский пер., д. 12/27

редактор:
А. Переверзин

издательство «Воймега»
e-mail: voymega@yandex.ru
alkonost@yandex.ru

Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 60х90 1/16
Тираж 500 экз.

Иван Волков родился в 1968 году в Москве. Учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Автор трех книг стихов. Лауреат Премии имени Бориса Пастернака (2002), международной литературной премии «Леричи Пеа-Москва» (2010) и других. Живёт в Костроме. Работает тренером по шахматам в ДЮСШ.